

Государство и общество

Реагирование политического режима КНР на базовые нужды населения

© 2015

А. Королев

Предпринята попытка объяснить особенности социальной политики в Китае в начале XXI века с позиций системно-функционального анализа политической системы КНР. Утверждается, что, несмотря на ограниченный характер существующих демократических механизмов в КНР, китайское руководство демонстрирует достаточно высокий уровень отзывчивости на обострившиеся в ходе рыночных реформ базовые нужды населения. Представленный анализ раскрывает процессы трансформации политического режима современного Китая.

Ключевые слова: КНР, политический режим, социальная политика, «отзывчивость» политической системы.

Стремительный экономический рост, наблюдаемый в Китае уже более 30 лет и превративший его в одну из ведущих экономических держав мира, оказался не без негативных для населения последствий. Внедрение рыночных механизмов в экономику КНР, несомненно, позволило повысить ее эффективность и производственный потенциал. Однако подчинение распределения ресурсов рыночным силам и погоня руководства КНР за количественными показателями роста в 1980-е — 1990-е годы привели к разрушению дореформенной системы социальных гарантий и, как следствие, к серьезным социальным проблемам. За фасадом беспрецедентно растущего ВВП скрывались колоссальное межрегиональное и социальное неравенство, огромный разрыв в развитии городов и деревень, безработица, недоступность полноценного здравоохранения для значительной части населения как в деревнях так и в городах¹, рост стоимости жилья и образования, а также другие проблемы, свидетельствовавшие об обостряющемся социальном неравенстве и требовавшие активного вмешательства государства в форме обширных программ перераспределения ресурсов. Другими словами, стране была нужна новая социальная политика.

Начиная с 2000-х годов руководство КНР изменило идеологические установки с экономического роста любой ценой на справедливое перераспределение ресурсов² и начало проводить многовекторную социальную политику, направленную на смягчение проблем неравенства, уменьшение социальных рисков населения и повышения уровня

Королев Александр Николаевич (PhD), профессор Отделения востоковедения НИУ-ВШЭ; научный сотрудник Школы публичной политики Ли Куан Ю Национального университета Сингапура. E-mail: akorolev@nus.edu.sg.

декоммодификации³ социальной сферы. Среди принятых мер — программа развития Западного Китая, комплексная новая реформа здравоохранения, более инклюзивная жилищная политика, сельская налоговая реформа и введение трех типов сельских субсидий, а также гарантии обязательного бесплатного начального образования, пенсионная реформа и ряд других государственных мер, направленных на перераспределение ресурсов в пользу нуждающихся (табл. 1). Таким образом, можно говорить о переходе КНР от сугубо экономической политики к политике социальной и, следовательно, о большей отзывчивости политического режима на базовые нужды населения. Активность и масштабность инициатив в социальной сфере в Китае в начале 21-го века позволила некоторым ученым заговорить о начавшейся в Китае Великой трансформации (The Great Transformation) по Карлу Поланьи, согласно которой неспособность рынка к саморегуляции и выталкивание за борт менее конкурентоспособных групп населения приводит к масштабным социальным разрушениям и, в конечном итоге, к естественному ответу в форме встречного движения — мощных мер социальной защиты общества⁴.

Соответствуют ли нынешние социальные реформы в КНР понятию Великой трансформации, о которой писал К. Поланьи, — это, видимо, вопрос дискуссионный. Тем не менее, причины активного вмешательства государства в процессы перераспределения ресурсов в форме новой системы социальных гарантий в Китае в ответ на обостряющиеся нужды населения, несомненно, представляют большой исследовательский интерес. Во-первых, возросшее в конце 1990-х годов социальное неравенство само по себе не является прямым объяснением новой политики; оно лишь свидетельствует о существовании проблемы и о том, что социальные реформы рано или поздно должны были появиться. Однако оно не объясняет, почему эти реформы начались именно сейчас. Масштабные социальные реформы не происходят лишь по воле отдельных политических лидеров, они требуют значительных финансовых ресурсов в прямом распоряжении государства, тем более в полуторамиллиардном Китае, где гарантия даже самого минимального медицинского страхования для каждого требует от государства колоссальных средств. Во-вторых, институциональной теории хорошо известен феномен институциональной инерции и зависимости от предыдущей траектории развития (Path dependence), когда экономическая, политическая или иная система затвердевает из-за относительной устойчивости внутренних структур и когда сменить траекторию развития становится трудно; для этого нужна масса сопутствующих системных изменений разного порядка⁵.

Таким образом, переход от экономической к социальной политике в постреформенном Китае — это не спонтанное решение политического руководства, а процесс, сопряженный с изменениями определенных аспектов политической системы КНР⁶. Более того, Китай — это не демократия в западном понимании, где социальные реформы легко объяснить существующими механизмами электоральной подотчетности, когда отказ предоставить требуемые населением социальные гарантии чреват для руководства страны проигрышем на выборах.

Что из себя представляет новая социальная политика КНР и почему она возникла на рубеже столетий? Каково ее нынешнее состояние и перспективы развития? Что в итоге заставило власти Китая начать отзываться на нужды населения и активно запускать социальные программы, несмотря на отсутствие электоральной конкуренции? Для ответа на эти вопросы необходимо проанализировать соответствующие функции и способности современной политической системы КНР, каналы обратной связи между властью и обществом, а также процессы включения общественных требований в политическую повестку. Мой главный аргумент заключается в том, что политическая система КНР в последнее десятилетие претерпела определенные изменения: значительно возросла ее экстракционная способность, а также возникли более эффективные механизмы артикуляции (interest articulation) и агрегирования (interest aggregation) общественных интересов,

что привело к повышению уровня ее отзывчивости на нужды населения в условиях ограниченной процессуальной демократии.

В первой части данной статьи представлен концептуальный каркас исследования. Объясняются ключевые концепции и на теоретическом уровне раскрывается связь между исследуемыми переменными: зависимой переменной (отзывчивостью политического режима) и тремя независимыми переменными (экстракционной способностью системы, механизмом артикуляции общественных интересов и механизмом агрегирования общественных интересов). Далее взаимодействие указанных переменных помещается в китайский политико-экономический контекст: вторая часть эмпирически показывает отзывчивость на базовые нужды населения в форме новых социальных реформ; третья часть рассматривает экстракционную способность политической системы КНР; четвертая — произошедшие изменения в механизмах артикуляции и агрегирования общественных интересов. В совокупности проанализированные связи раскрывают процессы трансформации политического режима современного Китая, что позволяет по-новому взглянуть на его природу и степень присутствия демократических элементов.

Аналитический подход: основные концепции и связи между ними

Центральное понятие данного исследования — это «отзывчивость» политического режима (state responsiveness). Оно малоизвестно в русскоязычной политологической литературе, но представляет одно из ключевых элементов теории демократии на Западе. Роберт Даль, например, утверждал, что «ключевой характеристикой демократии является постоянная отзывчивость правительства на предпочтения граждан, которые рассматриваются политически равными»⁷. Сидней Верба и Норман Ни считали, что отзывчивость — это основной критерий оценки любого политического режима⁸. «Абсолютная отзывчивость» представляется идеальной моделью, по степени соответствия которой можно судить о демократичности того или иного режима⁹. Бенджамин Пэйдж и Роберт Шапиро писали, что отзывчивость правительства на желания граждан — это центральный вопрос различных нормативных и эмпирических теорий демократии¹⁰. Согласно Расселу Хардину, отзывчивость первична по отношению к другому ключевому термину демократической теории — «подотчетности» — поскольку гражданам сначала должны знать, отзывчиво ли правительство, прежде чем «вознаграждать» его общественной поддержкой или «наказывать» (призвать к отчетности) общественным непризнанием, критикой или проигрышем на выборах¹¹.

Главным аналитическим преимуществом концепции отзывчивости является то, что она, в той или иной степени, присуща всем типам политических режимов. Эта концепция позволяет изучать главное свойство и специфику режимов, уйдя при этом от идеологически окрашенной и не всегда исследовательски полезной, хотя и преобладающей в современной политологии, дихотомии: «демократия/ не демократия». Одним из главных критериев оценки легитимности политических режимов является то, как государство удовлетворяет (отзывается на) нужды и требования населения. Множество суждений, часто высказываемых о демократиях, диктатурах, тираниях, авторитарных, смешанных и иных режимах, так или иначе, основываются на некой оценке их отзывчивости на нужды и требования населения. Политические элиты как в демократиях, так и в автократиях, в свою очередь, постоянно стараются представить себя в выгодном свете, утверждая, что они дают людям то, что те хотят и требуют. Отзывчивость, таким образом, является неотъемлемой частью любого режима, а также неким основанием для общественной поддержки того или иного руководства.

Применительно к Китаю перспективность анализа политического режима в терминах отзывчивости продиктована возникшим в этой области «терминологическим коллапсом», не позволяющим выразить сущность современного режима КНР на языке

именующихся концепций. Так, помимо тоталитаризма, авторитаризма и «государства ленинского типа», политический режим КНР характеризуется в литературе как: фрагментарный авторитаризм (fragmented authoritarianism)¹², мягкий авторитаризм (soft authoritarianism)¹³, «революционный авторитаризм» (revolutionary authoritarianism)¹⁴, «гибкий авторитаризм» (flexible authoritarianism)¹⁵, «эластичный авторитаризм» (resilient authoritarianism)¹⁶, «адаптивный авторитаризм» (adaptive authoritarianism)¹⁷, «популистский авторитаризм» (populist authoritarianism)¹⁸, «легитимный авторитаризм» (legitimate authoritarianism)¹⁹, «ответственное правительство в авторитарных условиях» (responsive government under authoritarian condition)²⁰, «авторитарный, но при этом участнический» (authoritarian yet participatory)²¹, «подотчетность без демократии» (accountability without democracy)²². М. Оксенберг, в свое время введший применительно к Китаю популярный термин «фрагментарный авторитаризм» позже заключил, что современный политический режим КНР сложно охватить одним выражением и что все существующие названия упускают его сущность и комплексность²³. На фоне такого сбивающего с толку многоголосья изучение отзывчивости может прояснить политические процессы, протекающие в современном Китае, лучше, чем попытки вписать эти процессы в категории демократической теории.

Отзывчивость можно представить как образ действия государства (т.е. то, что государство *делает*) в осуществлении своих политических задач. Другими словами, термин «отзывчивость» отражает *деятельность* представителей власти, а не их индивидуальные характеристики или методы избрания в должность. В то же время, «отзывчивость» подразумевает *отношение* между властью и обществом: она возникает в ответ на импульсы, исходящие от общества в направлении руководства страны. Габриэль Алмонд и Бигнам Пауэлл писали: «если экстракционная, регулятивная, дистрибутивная и символическая способности системы описывают модель результата политической системы, выпускаемого ею во внутреннюю или внешнюю среду, то способность отзывчивости — это отношение между тем, что входит в систему и тем, что из нее выходит»²⁴. Каждая политическая система, таким образом, на что-то отзывается. Ключевой исследовательский вопрос заключается в том, на что (на чьи требования) эта система отзывается? Как и в какой сфере политики она отзывается? Почему она отзывается? Как формируется и сохраняется модель отзывчивости?

Из западных исследований, посвященных «демократической отзывчивости» (democratic responsiveness) следует, что находящиеся у власти отзывчивы на нужды и желания населения потому, что, будучи избираемыми лидерами, они зависят от «электоральной санкции» (electoral sanctions): то есть в случае неотзывчивости на требования большинства, они проигрывают на выборах и теряют власть²⁵. Позитивная каузальная связь между электоральной конкуренцией и отзывчивостью была эмпирически подтверждена целым рядом количественных исследований²⁶. Электоральная санкция, однако, не единственно возможная причина отзывчивости. Или, другими словами, ее отсутствие, как, например, в Китае, не означает полного отсутствия отзывчивости, поскольку, как правило, существуют альтернативные механизмы артикуляции общественных интересов.

Существует прямая связь между социальной политикой и экстракционной способностью политической системы. Любые государственные социальные гарантии подразумевают перераспределение ресурсов правительством в больших объемах и, как правило, в общенациональном масштабе, что вряд ли возможно без эффективных механизмов извлечения ресурсов. Известно, что без должного уровня экономического развития даже самые серьезные намерения и попытки со стороны государства извлекать и распределять не могут увенчаться успехом. В то же время рост объема государственных расходов в истории шел быстрее, чем общий рост экономики. В Англии, например, в 1890 г. государственные расходы составляли 8,9% от валового национального дохода (ВНД); в 1920 г. эта цифра составила 20,2%; в 1938 г. — 30, в 1960–36,4; 1970–43; в 1981–50,3%; и в 1983–

53.3. Подобная динамика характеризует и другие западноевропейские страны²⁷. Это говорит о том, что экстракционная способность государства хоть и зависит от экономического развития, но всецело им не определяется, поскольку возможен разный процент извлечения и перераспределения ресурсов. Аналогично страны с равной экстракционной способностью (с равным количеством государственных доходов) могут тратить разный объем средств на социальную политику. Таким образом, экстракционная способность государства — это необходимое, но не достаточное условие для запуска активной социальной политики. Помимо материальных ресурсов необходима смена политического курса или, другими словами, возникновение мотивации у государства поменять распределение извлекаемых ресурсов. Китайское руководство, например, могло продолжать придерживаться идеологии «экономический рост любой ценой» и тратить накопленные средства не на социальную политику, а на различные нужды экономического роста. Для ответа на вопрос: почему социальная политика в Китае в начале 21-го века, приобрела более масштабный и активный характер, необходимо проанализировать две другие функции политической системы — артикуляцию и агрегирование интересов. Они позволяют судить о степени отражения нужд населения в политической повестке, а также о степени гражданского влияния на политический процесс.

Функции артикуляции и агрегирования общественных интересов — это взаимосвязанные процессы, представляющие системно-коммуникативный аспект политической сферы и имеющие дело с преобразованием идущих от общества импульсов в политические решения и действия. Это, по сути, две основные составляющие социальной обратной связи в политической системе. Под артикуляцией интересов подразумевается их выражение как в вербальной, так и невербальной формах. Посредством артикуляции как индивидуальные участники, так и общественные группы формулируют свои требования к государству, выражают недовольство существующим положением дел либо одобряют проводимый политический курс. Применительно к анализу социальной политики, особенно в условиях капиталистической экономики, где преобладает принцип максимизации прибыли экономическими элитами, важность артикуляции общественных интересов заключается в том, что этот процесс создает необходимое внешнее давление на экономические и политические элиты и таким образом заставляет их уделять больше внимания нуждам общества и, в конечном итоге, перераспределять необходимые ресурсы. Современные информационные технологии, включая Интернет, делают артикуляцию интересов проще и быстрее, усиливая эффективность внешнего давления.

Под агрегированием интересов подразумеваются механизмы упорядочения и систематизации артикулируемых интересов, а также поиска их оптимального соотношения. Требования, выдвигаемые индивидами и другими социальными единицами (семьями, группами и т.д.), как правило, многочисленны и разрозненны, и без должной гармонизации и категоризации они не могут напрямую служить основой формулирования политики государства. Основная функция механизмов агрегирования интересов, таким образом, заключается в «считывании» нужд и желаний общества, отсеивании второстепенного и извлечении основного для формулирования соответствующего политического курса. Следует отметить, что одинаковые общественные требования при прохождении через различные механизмы агрегирования на выходе могут дать различные политические повестки. Это подчеркивает важность преломляющей функции институтов политического опосредования, представляющих интересы общественных групп или слоев.

В совокупности артикуляция и агрегирование интересов составляют конверсионный процесс политической системы, который перерабатывает поток нужд и желаний, входящих в политическую систему, в политику перераспределения ресурсов. Для понимания возникновения социальных реформ в современном Китае, необходимо проанализировать как экстракционную способность политической системы КНР, так и изменения в ней функций артикуляции и агрегирования интересов.

Отзывчивость политического режима КНР на базовые нужды населения

Одним из главных негативных последствий рыночных реформ в Китае стало ослабление дореформенной системы социальных гарантий, которая, хотя и на минимальном уровне, обеспечивала социальную защиту миллионам граждан. По мере того, как социальное неравенство росло, нагнеталось социальное недовольство состоянием политики реформ и открытости. К началу 21-го века пришло понимание того, что погоня за экономическим ростом без должного внимания к социальным нуждам населения чревата серьезными последствиями. В этом контексте руководство КНР «достало» из политического арсенала высказывания Дэн Сяопина об опасности неравенства (между регионами, социальными классами, центром и периферией) и стало серьезно реформировать социальный сектор. Масштабные социальные реформы были начаты главным образом после прихода к власти Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. До этого, пожалуй, лишь политика развития западных регионов могла быть классифицирована как социальная политика, поскольку включала значительное перераспределение ресурсов.

Целесообразно выделить следующие сферы обострения нужд населения и появления запроса на адресованную им социальную политику: 1) бедность в городах и деревнях, в т.ч. из-за большого числа безработных, возникших вследствие реформ управления предприятиями государственной и коллективной собственности; 2) утяжеление бремени крестьян вследствие роста объема центрального налогообложения и произвольных поборов местных властей; 3) снижение доступности и качества начального обязательного образования, особенно в деревнях; 4) недоступность базовых медицинских услуг для бедных слоев населения и возникновение феномена «бедность из-за болезни»; 5) старение населения и проблема пенсионного обеспечения; 6) рост стоимости и снижение доступности жилья; 7) возникновение огромного количества трудовых мигрантов, которые, работая в городах, но имея сельскую прописку, не имели права на социальные гарантии.

Анализ социальной политики, проводимой руководством КНР в этих сферах, позволяет судить об отзывчивости китайского политического режима на нужды населения. (Табл. 1)

Необходимо признать, что вышеперечисленные социальные реформы в КНР идут с переменным успехом. Подробный анализ их результатов выходит за рамки нашего исследования. Отметим лишь, что, например, после запуска программы гарантий минимального дохода, общее число жителей, охваченных ею, возросло с 17 до 82 млн человек (22 млн городских жителей и 60 млн жителей деревень); в результате реформ здравоохранения удалось повысить распространенность медицинского страхования с 15% в 2001 г. до 96% в 2011 г.; число получающих пенсию по старости возросло с 300 млн человек в 2009 г. до 610 млн в 2011 г.²⁸ Данные меры позволили значительно облегчить последствия рыночных реформ и снять социальную напряженность, частично удовлетворив общественный запрос. Конкретные результаты этих реформ будут зависеть от способности государственной машины КНР реализовывать реформы на практике, от уровня коррупции, эффективности государственных институтов и т.д. Для данного же исследования «отзывчивости» политического режима КНР на базовые нужды населения важен сам факт реакции китайского руководства на запросы и потребности общества в форме новых социальных политик. Именно эта реакция, подкрепленная необходимыми ресурсами, говорит о наличии обратной связи между властью и обществом.

Таблица 1.

Новые социальные реформы в КНР

Период обострения	Тип базовых нужд населения в период обострения	Отзывчивость политического режима (год и тип реформ)
1995–1999	Возрастающее региональное неравенство	1999 — программа развития Западного Китая.
1996–2002	Городская бедность, вызванная выбросом рабочей силы с предприятий госсобственности.	2002 — программа гарантии минимального дохода в городах; 2007 — программа гарантии минимального дохода в деревнях
1996–2006	Утяжеление крестьянского бремени	2004 — снижение сельхозналогов; введение трех типов сельских субсидий; 2005 — частичная отмена сельхозналогов; 2006 — отмена всех сельхозналогов; введение масштабной программы сельских субсидий
2000–2007	Деградация системы обязательного образования и рост стоимости образовательных услуг	2006 — введение гарантий и усиление финансирования бесплатного обязательного образования в западных и центральных районах Китая; 2007 — усиление гарантий бесплатного базового образования во всех сельских районах Китая; 2008 — гарантия бесплатного обязательного образования для всех
2002–2009	Снижение доступности здравоохранение; возникновение проблемы «бедность из-за болезни».	2003 — восстановление кооперативной системы медицинского страхования сельских жителей; 2007 — внедрение базовой медицинской страховки для городских жителей; 2009 — создание комплексной системы всеобщего медицинского страхования
2006–2010	Старение населения	2010 — реформа пенсионной системы и гарантия пенсионного обеспечения по старости для всех
2006–2011	Недоступность жилья	2006 — введение программ бюджетного жилья для бедных в городах; 2011 — более инклюзивная программа бюджетного жилья для граждан с низкими доходами

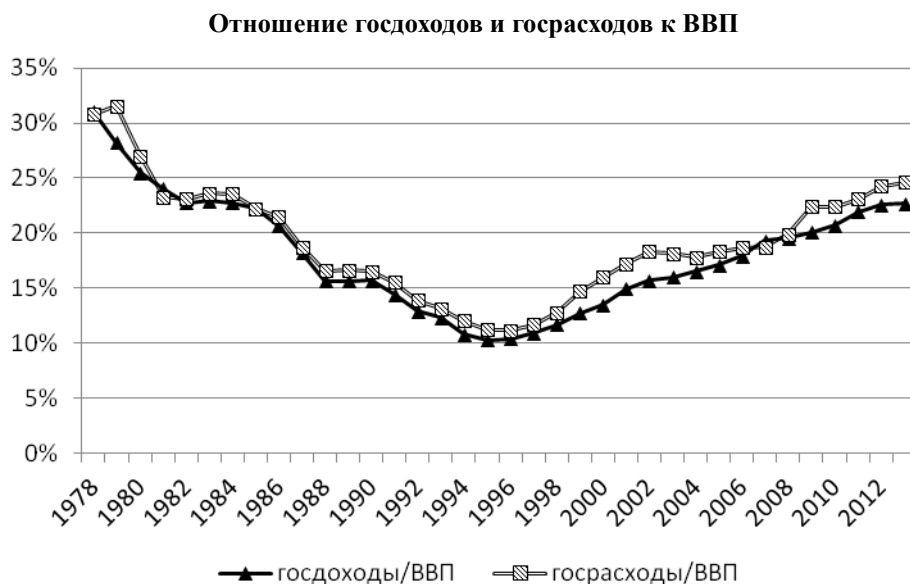
Экстракционная способность политической системы

Как отмечалось выше, существует прямая связь между социальными гарантиями, требующими значительных ресурсов, и экстракционной способностью государства. Даже если наличие ресурсов само по себе не является достаточным условием того, что власть начнет проводить масштабную социальную политику, их отсутствие делает такую политику невозможной. Поэтому, анализируя становление новой социальной политики в

КНР на рубеже веков, необходимо уделить особое внимание способности государства извлекать финансовые ресурсы.

В связи с этим китайская модель развития представляет некий парадокс. С начала проведения политики реформ и открытости до середины 1990-х годов ВВП КНР рос ежедневно в среднем почти на 10%, что по праву позволяло называть КНР «экономическим чудом». В то же время несмотря на впечатляющий экономический рост, правительство КНР едва сводило концы с концами. Рост государственных доходов КНР²⁹ колоссально отставал от роста ВВП. Как показано на Графике 1, отношение государственных доходов к ВВП в КНР (доля госдоходов в ВВП страны) сократилось с 30% в начале реформ до 10% в 1996 г. Аналогичная картина наблюдалась и в случае государственных расходов³⁰. Наиболее сложной была ситуация с доходами центрального правительства: при шестикратном росте объема экономики отмечался лишь двукратный рост государственных доходов. Это означало, что правительства, как центральное, так и местные, существовали в условиях острой нехватки налоговых поступлений. Ясно, что масштабные социальные реформы, подразумевающие извлечение и перераспределение значительных материальных средств, были вряд ли возможны.

График 1

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР. <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?m=hgnd>

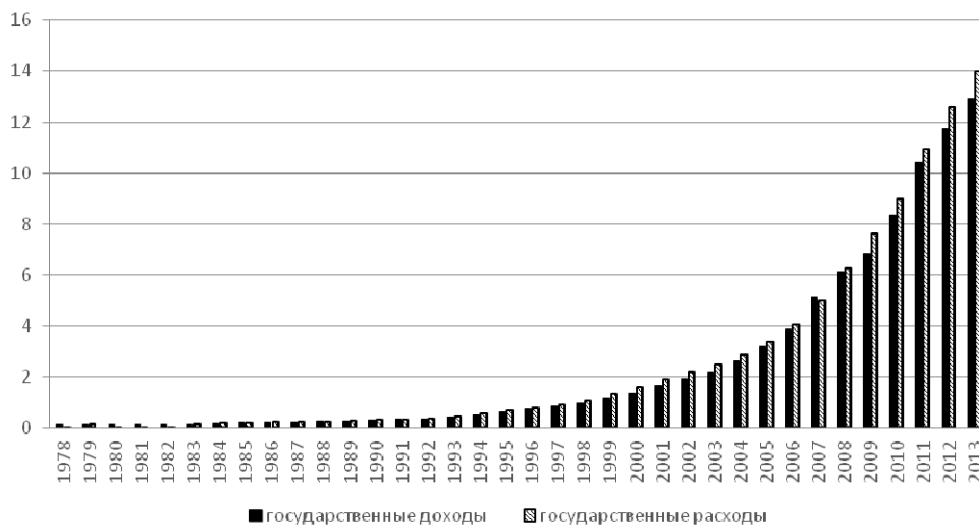
Ситуация начала кардинально меняться в конце 1990-х — начале 2000-х годов, предположительно как следствие налоговой реформы 1994 г., которая, частично централизовав налоговые потоки после периода децентрализации, значительно усилила экстракционную способность китайского государства. Как показано на Графике 2, абсолютный объем государственных доходов и расходов КНР начал стремительно расти с начала 2000-х годов. В то же время (График 1) наблюдался значительный рост отношения госдоходов и госрасходов к ВВП.

В этом смысле начало нового столетия стало переломным моментом. Запуск экономических реформ требовал децентрализации, в том числе и налоговой системы. Однако к середине 1990-х годов руководство КНР осознает опасность нехватки налоговых ресурсов, необходимых для управления экономикой на новом этапе развития, и реформиру-

ет налоговую политику, централизуя каналы поступления средств в государственный бюджет. Подобные меры позволили значительно увеличить государственные доходы и накопить достаточные средства для перераспределения в пользу нуждающихся, в данном случае в форме новых социальных реформ. В результате роста экстракционной способности, после длительного периода падения доля государства в расходах на здравоохранение (с 15,7% до 30%)³¹, образование³² и другие общественные блага с начала 2000-х годов значительно возросла.

График 2

Государственные доходы и расходы КНР (трлн. юаней)

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР. <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?m=hgnd>

Артикуляция и агрегирование общественных интересов

Наличие материальных ресурсов само по себе не гарантирует запуска масштабных социальных реформ, а лишь создает необходимые условия для их реализации. Для того, чтобы принудить власть расходовать накопленные ресурсы на социальные блага, а, скажем, не на дальнейшее стимулирование количественного экономического роста, необходимы механизмы общественного давления, способные не только артикулировать существующие в обществе запросы, но и агрегировать их в соответствующие политические повестки.

Немаловажную роль в артикуляции общественных интересов в КНР стали играть средства массовой информации, чья роль в формировании общественной повестки и, следовательно, корректировке политического курса значительно возросла за последнее десятилетие. СМИ КНР стали более активно обсуждать существующие социальные проблемы, делая их частью общественно-политического дискурса. Несмотря на то, что СМИ в Китае принято воспринимать как идеологический рупор КПК, в последние годы они стали активно освещать острые проблемы здравоохранения, медицинского страхования, социального неравенства, вопросы трудовых мигрантов, жилья, загрязнения окружающей среды и т.п., способствуя таким образом коммуникации между властью и обществом.

Более широкое и правдивое освещение социально-значимых проблем стало результатом количественных и качественных изменений, произошедших в китайских СМИ. Согласно официальной статистике по сравнению с периодом начала политики реформ и

открытости, количество радиостанций утроилось, а телевизионных каналов и газет — выросло в 10 раз³³. Еще более важными стали качественные изменения, а именно маркизация СМИ, начавшаяся в 1980-х годах и ускорившаяся в 1990-х³⁴. Несмотря на то, что де-юре государство является собственником многих радио и телевизионных станций, газет и журналов, различные СМИ стали с целью заработка конкурировать за внимание аудитории. Многие подконтрольные государству газеты начали создавать дочерние медийные структуры с большей свободой действий, которые публикуют журналистские расследования и аналитические материалы по наиболее острым социальным проблемам. Рыночная конкуренция приблизила СМИ к массам и сделала их площадкой для артикуляции интересов и нужд различных групп общества, превращая эти нужды в общественно-видимые приоритеты.

Ярким примером этого может служить освещение в СМИ проблем здравоохранения в 2005 г. в ответ на государственный проект реформы, когда «Молодежная газета Китая» (*Чжунго цинняньбао*) опубликовала основные положения новой реформы здравоохранения и спровоцировала дискуссию национального масштаба по этому вопросу реформы³⁵. Следом десятки газет и журналов начали публиковать различные экспертные комментарии на китайском и английском языке и порой остро критиковать государственную политику в сфере здравоохранения, высвечивая такие серьезные проблемы, как недоступность медицинских услуг и провалы государственной политики³⁶. Это все ускорило выявление существа проблемы и формирование соответствующей политической повестки, что оказало влияние на проведение новой национальной реформы здравоохранения в 2009 г.

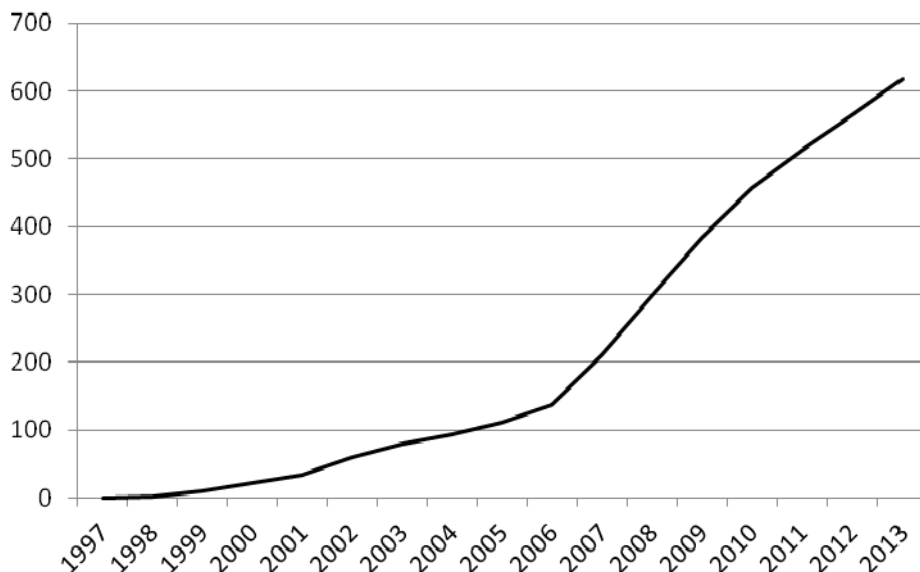
Чрезвычайно важную роль в артикуляции общественных интересов и во включение тех или иных нужд населения сначала в общественную, а потом и в политическую повестку в Китае начал играть Интернет, число пользователей которого в 2013 г. достигло 617,58 млн человек (График 3)³⁷. Доступность Интернета меняет логику формирования общественной повестки, делая информацию сиюминутно доступной, и, главное, создавая пространства для обсуждений и критики. Разговоры о влиянии Интернета на политику в КНР неизбежно наталкиваются на аргумент о цензуре и тотальном государственном контроле над интернет-пространством. На самом деле ситуация неоднозначна. Недавние эмпирические исследования показывают способность активистов находить способы камуфлировать информацию, делая ее понятной для других пользователей сети, но, в то же время, малораспознаваемой для цензоров. Такие способности заметно возросли с появлением технологии «Веб. 2.0» (Web. 2.0), которая позволяет создавать проекты и серверы, активно развиваемые и пополняемые самими же пользователями, например блоги, социальные сети и т.д. Китайские блоги и интернет-форумы дали старт разного рода общественным движениям, добровольческим мероприятиям по спасению пострадавших от стихийных бедствий, высмеиванию коррумпированных политиков и бизнесменов, критике недостатков социальных реформ и т.д.³⁸ Распространение в Интернете информации о социальных проблемах сыграло важную роль в формировании повестки реформы здравоохранения и других реформ³⁹.

Наряду с изменившейся ролью СМИ и распространением Интернета, в Китае сформировались своеобразные механизмы диалога между обществом и властью, посредством которых происходит артикуляция социальных нужд, а также достигается разрешение множества разногласий, возникающих в процессе реформ. Например, механизмы «совещательной демократии» (*deliberative democracy*), подразумевающие активное вовлечение граждан и обсуждение их нужд, стали популярным методом взаимодействия политических элит и общества по широкому спектру вопросов⁴⁰. Среди примеров можно выделить региональную «совещательную демократию формирования бюджетов» (*budget democratic deliberation*) и «участническое составление бюджетов» (*participatory budgeting*), а также обсуждение реформы здравоохранения в национальном масштабе

(deliberative healthcare reform)⁴¹. Во всех случаях «совещательная демократия» подразумевала вовлечение жителей городов и деревень в обсуждение вопросов развития инфраструктуры, строительства жилья, использования бюджетных денег, реформы здравоохранения, пенсионной реформы и других проблем. Подобные совещательные методы общественного волеизъявления активно распространяются в городах и деревнях по всему Китаю. Совещательная демократия стала в КНР официальной линией проведения внутренней политики⁴².

График 3

Число пользователей интернета в КНР (млн. чел.)

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР. <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?m=hgnd>

Другой инновацией в области создания механизмов артикуляции общественных интересов стала деидеологизированная версия «массовой линии» (*цзюньчжун лусянь*). Будучи изначально эффективной тактикой идеологической борьбы, новая версия массовой линии призвана представить альтернативу традиционному, в западном понимании, политическому участию, которое страдает в развивающихся странах от проблемы неравенства, когда участвуют те, у кого есть время и ресурсы (т.е. те, кто и так в неплохих условиях), а «социальные низы», в наибольшей степени нуждающиеся в социальных гарантиях, проявляют политическую пассивность из-за отсутствия времени и ресурсов. Новая массовая линия подразумевает чиновничье «хождение в массы» для получения из первых рук информации о состоянии наиболее нуждающихся, но, как правило, пассивных слоев населения. Таким образом «низы» вовлекаются в политический процесс. Крупномасштабное развертывание практик «массовой линии» способствует представительству интересов наименее благополучных граждан в государственной политике⁴³.

Необходимо также отметить важные институциональные изменения в агрегировании интересов масс в современном Китае. Как известно, существует прямая взаимосвязь между степенью организации любых групп интересов и степенью их влияния на государственную политику. Компаративистские исследования эволюции социальной политики давно установили устойчивую взаимосвязь между организацией рабочих в профессиональные союзы и полноценностью государственных программ социальных гаран-

тий. Так, Уильямсон и Вэйс, проанализировавшие 39 стран, заключили, что одним из основных факторов, определяющих полноту системы социальных гарантий вне зависимости от специфики контекста является количество и влияние профсоюзов⁴⁴. Этот тезис был также доказан целым рядом последующих исследований⁴⁵. В западных странах масштаб перераспределения ресурсов государством коррелируется с рабочим движением и профсоюзной активностью. В США, Великобритании, Канаде, Новой Зеландии, Австралии уровень перераспределения ресурсов сравнительно невысок предположительно из-за низкого участия работающего населения в профсоюзах и, следовательно, слабого влияния профсоюзов на социальную политику. В Швеции, которая известна самой щедрой социальной политикой, напротив, в 1930-х годах сформировалась «Шведская конфедерация профессиональных союзов» (The Swedish Trade Union Confederation)⁴⁶, которая активно отстаивала интересы рабочих и добилась в 1938 г. заключения Сальтсjöбаденского соглашения (Saltsjöbaden Agreement), которое закрепило нормы взаимоотношений между рабочими и работодателями на шведском рынке труда с учетом интересов первых. Эта мера также положила начало представительству интересов рабочих и определила нормы участия различных рабочих организаций в политическом процессе. Аналогично: в Германии Объединение немецких профсоюзов, насчитывающее 6,6 млн членов, послужило мощной площадкой артикуляции и агрегирования интересов рабочих. Основанное в 1949 г., Объединение немецких профсоюзов отстаивает идеи социальной солидарности, требует социальных субсидий, справедливого распределения рабочих мест и доходов, вырабатывает способы борьбы с безработицей, т.е. агрегирует основные социальные нужды большинства. Другими словами, такие факторы, как количество профсоюзов, членство в профсоюзах, а также доля участия работающего населения в профсоюзах, усиливают вероятность перераспределения ресурсов в пользу рабочих и появления социальных реформ.

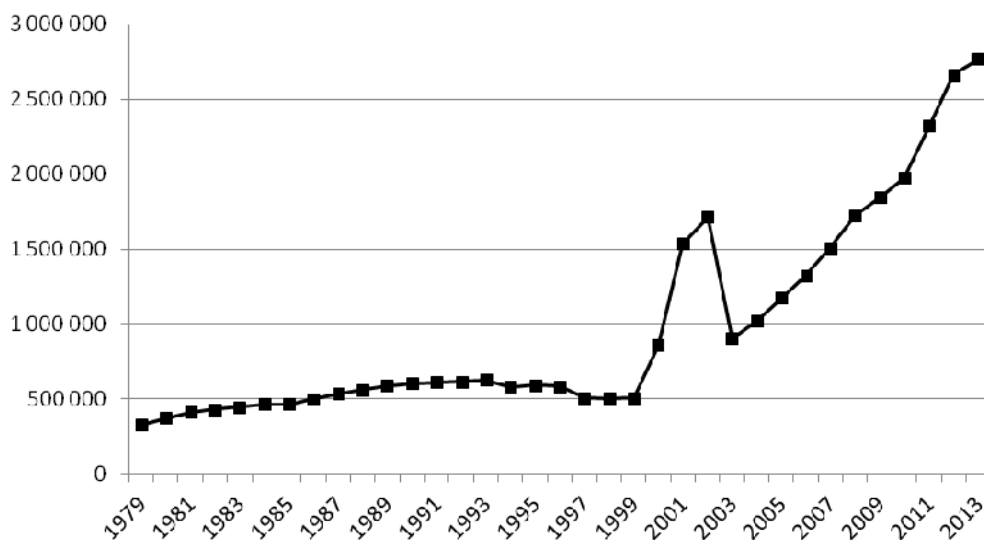
Рассмотрим основные тенденции развития профсоюзов в современном Китае. График 4 показывает динамику изменения количества низовых «профсоюзных организаций» (*цзицэн гунхуэй*) в период реформ. Очевиден резкий скачок численности профсоюзов с начала 2000-х годов. Как было показано выше, именно этот период в Китае характеризуется возникновением разного рода социальных гарантий (см. табл. 1).

Закономерным следствием развития профсоюзного движения стал рост численности членов профсоюзов. Другими словами, более значительная часть крестьян и рабочих получила институциональную платформу для обсуждения и отстаивания своих интересов (График 5).

Наиболее важным показателем в данном отношении является доля участия работающего населения в профсоюзах. На графике 6 показано изменение отношения численности членов профсоюзов к общему числу работающего населения в КНР. Если на рубеже веков в профсоюзах состояло менее 15% работающего населения, то через десять лет этот показатель превысил 30%. Цель профсоюзных организаций — защита прав и социально-экономических интересов рабочих. Таким образом, более трети работающих получили доступ к легальному институциональному ресурсу защиты своих интересов. Можно подвергать сомнению способность китайских профсоюзов отстаивать интересы трудящихся масс в контексте существующего политического режима, тем не менее, имеет смысл полагать, что сам факт организации этой новой группы интересов усиливает социально-политический вес ее участников.

Для сравнения: в Англии, Голландии, Новой Зеландии, Японии и США аналогичный показатель ниже, и составляет 30%, 29%, 24%, 24%, 14% соответственно⁴⁷. Период роста численности профсоюзных организаций хронологически совпадает с наращиванием руководством КНР усилий по реализации социальных реформ. Это указывает на важность изменений механизмов артикуляции и агрегирования интересов для государственной политики.

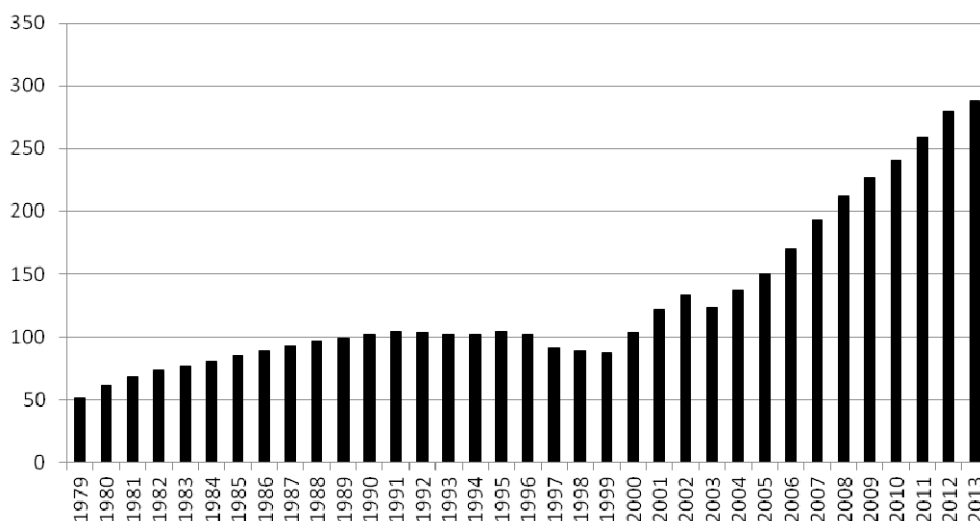
График 4

Количество низовых «профсоюзов в Китае» в период реформ

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР.

URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>

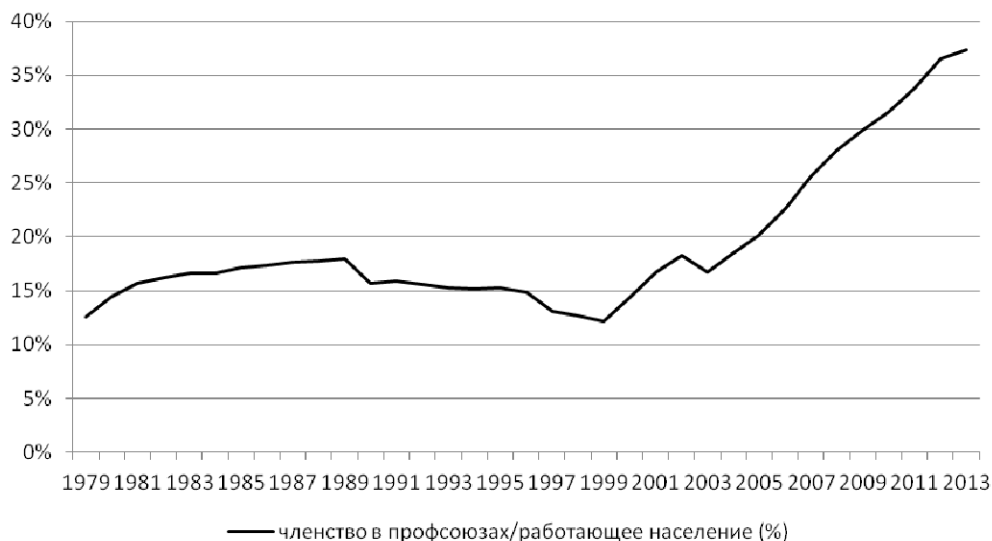
График 5

Членство в низовых профсоюзах в КНР

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР.

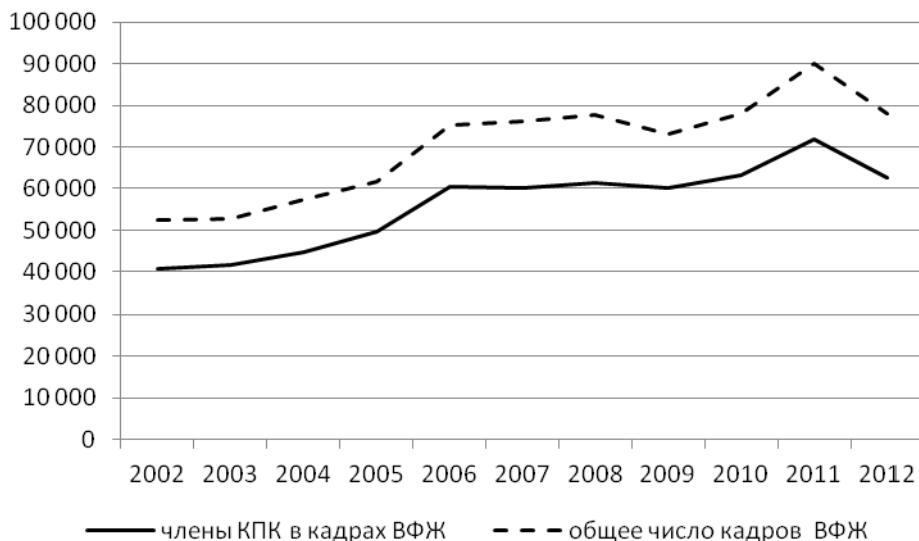
URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>

График 6

Отношение членов профсоюзов к работающему населению

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР.
 URL: <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?m=hgnd>

График 7

Численность и состав Всекитайской федерации женщин КНР

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР.
 URL: <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?m=hgnd>

Еще один фактор, достойный внимания в контексте данного исследования — роль Всекитайской федерации женщин⁴⁸. Традиционной повесткой ВФЖ, помимо защиты прав женщин, являются достижение общего гендерного и межрасового равенства, социальные гарантии нуждающимся, улучшение начального и среднего образования. Более

активное вовлечение женщин в политические и административные процессы, как правило, ассоциируется с более социально — ориентированным политическим курсом. На графике 7 показано общее число «кадров» (*ганьбу*) в составе Всекитайской федерации женщин, а также членов КПК среди них.

Заключение

С начала 21-го века Китай переживает новый переходный период, часто ускользающий от внимания наблюдателей. Основной характерной чертой этого нового этапа развития является исторический переход от сугубо экономической политики, главным образом нацеленной на количественный экономический рост, к политике социальной, которая меняет логику отношений государства и общества. В истории многих европейских и других ныне развитых государств возникновение акцентированной социальной политики было рубежным моментом развития, характеризующим глубокими изменениями не только в системе перераспределения ресурсов, но и в политическом режиме. Возникновение социального государства в Европе серьезно повлияло на природу отношений между государством и обществом, бизнесом и государством, обществом и бизнесом.

Появление социальной политики в постреформенном Китае не является случайностью или субъективным желанием руководства страны. Несмотря на то, что Китай пока еще находится на начальном этапе социальных реформ, сам факт их становления свидетельствует об определенных социально-экономических и политических изменениях, требующих дальнейшего изучения. Как показано нами в данной статье, запуск социальных реформ в КНР проходит параллельно с возрастанием государственной способности извлекать и распределять ресурсы, что говорит о повышении государственной эффективности.

В то же время новые социальные реформы в Китае коррелируются с возникновением альтернативных механизмов политического участия, меняющейся ролью СМИ и Интернета, институциональными изменениями в процессах артикуляции и агрегирования общественных интересов, а также растущей степенью организации общественного волеизъявления. Социальные реформы идут бок о бок с изменениями в механизмах артикуляции и агрегирования нужд широких масс. Эти механизмы замещают традиционную, в западном понимании, процессуальную демократию и стимулируют отзывчивость политического режима КНР на базовые нужды населения. Последствия этих трансформаций могут уйти далеко за пределы нынешних социальных реформ и изменить репрезентативную сущность китайского политического режима, даже в рамках видимой неизменности его формы.

-
1. Об изменениях в сфере здравоохранения в КНР в постреформенный период, см.: *Королев А.* Поиски модели медицинского страхования в КНР // Проблемы Дальнего Востока № 6. 2011. С. 98–117.
 2. Например, на XVI съезде КПК руководящая формула китайских экономических реформ «Отдавать преимущество эффективности при надлежащем внимании к справедливости» сменилась новой — «Отдавать преимущество эффективности в первичном распределении, придавать особое значение справедливости в перераспределении,» что говорит об осознании руководством необходимости проведения социальных реформ. См.: доклад Цзянь Цзэмина на 16 съезде КПК.
 3. Термин был введен датским ученым Эспинг Андерсеном и означает уменьшение зависимости человеческого благосостояния от капиталистического рынка; социальные гарантии, таким образом, рассматриваются как права, а не как приобретаемые услуги. См.: *Esping-Andersen, G.* The three worlds of welfare capitalism. John Wiley & Sons, 2013. С. 21–22.
 4. См.: *Wang, S.* The great transformation: the double movement in China // *Boundary-2*. 2008. Vol. 35. No. 2. P. 15–47.

5. Основы институциональной теории Path Dependence были заложены американскими экономистами-историками П.А. Дэвидом и Б.В. Артуром. См.: *Arthur W.B. Positive Feedbacks in the Economy* // Scientific American. 1990. Vol. 262. No. 2. P. 92–99; *David P.A. Clio and the Economics of QWERTY* // American Economic Review. 1985. No. 2. P. 332–337; *David P.A. Path Dependence, its Critics and the Quest for 'Historical Economics'* // *Pierre G. and Stavros I. Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present*, Edward Elgar Publishing Limited, 2001. P. 15–35. Необходимо также упомянуть ставшую классикой работу Д. Норта, См.: *North, D.C. Institutions, institutional change and economic performance*, Cambridge university press, 1990. В России тема разрабатывается экономистами Полеровичем В.М., Балацким Е.В., а также, от части, Бородкиным Л.И., См. *Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход?* // *Общественные науки и современность*. 2004. No. 3. С. 5–16; *Балацкий Е.В. Диссертационная ловушка* // *Свободная мысль-XXI*. 2005. № 2. С. 92–104; *Бородин Л.И. Порядок из хаоса: концепции синергетики в методологии исторических исследований* // *Новая и новейшая история*. 2003. № 2.
6. Термины «политическая система» и «политический режим» используются в тексте как взаимозаменяемые.
7. *Dahl, R. A. Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven, CT: Yale University Press, 1971. P. 1–2.
8. *Verba, S. and Nie, N. H. Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. New York: Harper & Row, 1972. P. 300.
9. *Dahl, R. A.* Op. cit. P. 2.
10. *Page, B. I., and Shapiro, R.Y. Effects of Public Opinion on Policy* // *American Political Science Review*. 1983. Vol. 77. No. 1. P. 175–190.
11. *Hardin, R. Democratic Epistemology and Accountability* // *Social Philosophy and Policy*. 2000. Vol. 17. No. 1. P. 110–126.
12. *Lieberthal, K., Oksenberg, M. Policy Making in China: Leaders, Structures, and Processes*. Princeton University Press, 1988; *Mertha, A. Fragmented authoritarianism 2.0: Political pluralization in the Chinese policy process* // *The China Quarterly*. 2009. Vol. 200. P. 995–1012.
13. *Pei, M. China's Evolution toward Soft Authoritarianism* // E. Friedman and B.L. McCormick (eds.), *What if China Doesn't Democratize?: Implications for War and Peace*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2000. P. 74–99.
14. *Perry, E. J. Studying Chinese politics: Farewell to revolution?* // *China Journal*, 2007. Vol. 57. P. 1–22.
15. *Cabestan, J. P. Is China Moving Towards "Enlightened" But Plutocratic Authoritarianism?* // *China Perspectives* [Online], 2004. Vol. 55. URL: <http://chinaperspectives.revues.org/412>.
16. *Nathan, A. J. Authoritarian resilience* // *Journal of Democracy*. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 6–17.
17. *Shambaugh, D. China's Communist Party: Atrophy and Adaptation*. University of California Press, 2009.
18. *Friedman, E. Post-Deng China's Right Populist Authoritarian Foreign Policy* // *China Review*. 2000. P. 1–25.
19. *Schubert, G. One-Party Rule and the Question of Legitimacy in Contemporary China: Preliminary Thoughts on Setting Up a New Research Agenda* // *Journal of Contemporary China*. 2008. Vol. 17. No. 54. P. 191–204.
20. *Li, L. C. Towards Responsible Government in East Asia*. Taylor & Francis Ltd, 2009.
21. *Federal Ministry for Economic Cooperation and Development of Germany*, China: Authoritarian yet Participatory? — Governance in the PR China in times of change, 2006.
22. *Tsai, L. L. Accountability without democracy*. Cambridge University Press, 2007.
23. *Oksenberg, M. China's Political System: Challenges of the Twenty-First Century* // *The China Journal*. 2001. No. 45. P. 21–35.
24. *Almond, G. A. and Powell G. B. Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston: Little Brown and Company, 1966. P. 201.
25. Разработку этой теории см: *Arnold, R. D. The Logic of Congressional Action*. New Haven: Yale University Press, 1990; *Dahl, R. A. Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven: Yale University Press, 1961; *Downs, A. An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Row, 1957; *Gillens, M. Inequality and Democratic Responsiveness* // *Public Opinion Quarterly*. 2005. Vol. 69, No. 5, P. 778–796; *Mayhew, D. Congress: The Electoral Connection*. New Heaven: Yale University Press, 1974.
26. См. например: *Bingham, P. G. The Chain of Responsiveness* // *Journal of Democracy*. 2004. Vol. 15, No. 4, P. 91–105; *Page, B. I., Shapiro, R. Y. Effects of Public Opinion on Policy* // *American Political*

- Science Review. 1983. Vol. 77. No. 1. P. 175–90; *Brooks, C. and Manza, J.* Social Policy Responsiveness in Developed Democracies // *American Sociological Review*. 2006. Vol. 71. No. 3. P. 474–494.
27. *Poggi, G.* The State: Its Nature, Development and Prospects. Cambridge: Polity Press, 1990 P. 109–110.
 28. *Wang, S.* Democracy: Chinese Style. Лекция в Институте Конфуция при Университете Аделаиды. Аделаида, Австралия, 18 сентября 2012 г. URL: http://confucius.adelaide.edu.au/gallery/video/2012/pl_video_18092012.html.
 29. Государственные доходы — это главным образом налоговые сборы, а также средства, генерируемые властью за счет различных государственных сборов и штрафов.
 30. Государственные расходы включают денежные средства, направляемые государством на различные социальные нужды и на финансовое обеспечение задач и функций государства.
 31. *Королев А.Н.* Поиски модели медицинского страхования в КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2011. № 6. С. 100.
 32. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>.
 33. *Wang S.*, Changing Models of China's Policy Agenda Setting // *Modern China*. 2008. Vol. 34. No. 1. P. 76.
 34. Ibid.
 35. Гоуянь яньцзю цзигоу: вого игай гунцзо цзибэнь бу чэнгун: [Исследовательская группа Госсовета КНР: государственная деятельность в сфере здравоохранения по сути не была успешной]. Чжунго Цинь няньбао [Молодежная газет Китая]. 28.07. 2005.
 36. Приведем лишь некоторые примеры таких публикаций на английском и китайском языках: Expert Says China's Medical Reform 'Basically Not Successful', *Xinhua* (Online), 29 July 2005; Josephine Ma, Think-tank Lashes the Mainland's Health Care, *South China Morning Post* (Online), 30 July 2005; Health Ministry Says Rural Medical System Still Facing Several Major Problems, *China Daily* (Online), 4 July 2005; Хуаньчжэ, июань, чжэнфу у жэнь маны: игай цзяшэн фаньюань цзы лянбянь мисинь: [Пациенты, больницы, правительство недовольны: неполноценность реформы здравоохранения исходит из двух ошибочных убеждений], *Xinhua* (Online), 4 August 2005; Вэйшэн бучжан Гаоцзян: чжэнфу ингай цзяда иляо тоужу: [Министр здравоохранения Гао Цзян призывает к увеличению инвестиций в здравоохранение] *Number One Economic Daily* (Online), 5 August 2005; Wang Zhenghua, Hospitals Overcharge Patients for Profits, *China Daily* (Online), 5 August 2005; Gaps Within Troubled China's Health Sector, *Xinhua* (Online), 8 August 2005; Вого инь бинд сыван вэ нунцунь эртун чжун жэн ю ибань вэй дэдао чжиляо: [Половина детей, умерших от болезней в деревнях, не имела доступа к медобслуживанию], *Xinhua* (Online), 17 August 2005; Игай дэ сысюэ цзай на? [В чем заключаются коренные проблемы реформы здравоохранения?], *Southern Weekend* (Online), 18 August 2005; Fujian Suicide Bombing: A Wake-up Call for Health-care Reform? *South China Morning Post* (Online), 18 August 2005; Zhang Feng, Rural Kids 'Need Better Healthcare', *China Daily* (Online), 18 August 2005.
 37. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>.
 38. См. например: *Yang, G.* The Internet and civil society in China: a preliminary assessment // *Journal of Cotemporary China*. 2003. No. 12. Issue 36. P. 453–475; *Yang, G.* How do Chinese civic associations respond to the Internet? Findings from a survey // *The China Quarterly*. 2007. No. 189. P. 122–143; *Yang, G.* The Power of the Internet in China: Citizen Activism Online. New York: Columbia University Press, 2009; *Yang, G.* Political contestation in Chinese digital spaces: Deepening the critical inquiry // *China Information*. 2014. Vol. 28, No. 2, P. 135–144; *Qiu, J. L.* Virtual censorship in China: Keeping the gate between the cyberspaces // *International Journal of Communications Law and Policy*. 1999. No. 4, P. 1–25; *Lu, J., & Qiu, Y.* Microblogging and Social Change in China // *Asian Perspective*. 2013. No. 37. P. 305–331.
 39. Для анализа участия в интернет-обсуждениях проблем системы здравоохранения. См.: *Korolev, A.* Deliberative Democracy Nationwide? — Evaluating Deliberativeness of Healthcare Reform in China // *Journal of Chinese Political Science*. 2014. No. 19. P. 151–172.
 40. Для подробного анализа механизмов дискурсивной демократии на местном уровне в разных регионах Китая см.: *Ethan J. Leib and Baogang He, eds.*, The Search for Deliberative Democracy in China. New York, USA: Palgrave Macmillan, 2006.
 41. См.: *James S. Fishkin et al.* Deliberative Democracy in an Unlikely Place: Deliberative Polling in China // *British Journal of Political Science*. 2010. Vol. 40. P. 435–444; *Ethan J. Leib and Baogang He, eds.* The Search for Deliberative Democracy in China. New York, USA: Palgrave Macmillan, 2006. P. 229–244; *Korolev, A.* Deliberative Democracy Nationwide? — Evaluating Deliberativeness of Healthcare Reform in China // *Journal of Chinese Political Science*. 2014. No. 19. P. 151–172.

42. Об этом свидетельствует тот факт, что китайские статьи по совещательной демократии размещены на сайте. См.: Ван Цзиган, Ли Чунхуа. Сиешан миньчжу дэ жогань цзибэнь вэньти [Некоторые основные вопросы совещательное демократии]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/rddl/rdjs/2014-09/10/content_1878008.htm.
43. Wang Shaoguang. Шуан гуй миньчжу: цюньчжун лусянь хэ гуныгунь цанььюй [Двухколейная демократия: массовая линия и общественное участие]. Материалы лекций в Китайском Университете Гонконга, 12 июня 2012 г.
44. Williamson, J. and Weise, J. Egalitarian Political Movement, Social Welfare Effort and Convergence Theory: A Cross-National Analysis // Comparative Social Research. Vol. 2. 1979. pp. 289–302.
45. См. Например: Korpi, W. The Working Class in Welfare Capitalism: Work, Unions and Politics in Sweden. London: Routledge Kegan Paul, 1978; Korpi, W. Social Policy and Distributional Conflict in the Capitalist Democracies // West European Politics. Vol. 3. 1980. P. 296–315; Furniss, N. and Tilton, T. The Case for the Welfare State: From Social Security to Social Equality. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1977.
46. The Swedish Trade Union Confederation http://www.lo.se/english/this_is_lo.
47. Лю Ган. Гайгэ кайфан цзинчэн чжун дэ Чжунго гунхуэй лии чжэнхэ — бяода яньцзю: [Анализ механизма артикуляции и агрегирования интересов китайскими профсоюзами в ходе политики реформ и открытости]. Неопубликованная PhD диссертация. Педагогический университет Шаньси. 2011. С. 26.
48. Чжунхуа цюаньго фуньюй лянхэ хуэй: [Всеитайская федерация женщин] URL: <http://www.women.org.cn/>